

Некоторые эпизоды моей совместной работы в КрАО с К.К. Чуваевым

А.А. Боярчук

Институт астрономии Российской академии наук

Поступила в редакцию 3 декабря 2007 г.

Впервые я встретился с Константином Константиновичем Чуваевым в августе 1952 г. Я был направлен Ленинградским университетом после четвертого курса на студенческую практику в Крымскую астрофизическую обсерваторию АН СССР. Перед отъездом в Крым я знал, что она расположена где-то в Симеизе.

В Симферополе я сел в автобус, который шел в Ялту. Там нашел автобус, который шел в Симеиз. На автобусной станции я стал расспрашивать об обсерватории. Но поскольку большинство составляли отдыхающие, то долго никто не мог сказать, где обсерватория. Наконец нашелся знающий человек, который сказал, что надо идти на гору, и показал куда. Можно идти по шоссе, но это долго, а лучше по тропинкам – их хорошо видно. Я пошел по тропинкам. Действительно, они были хорошо видны, но легко было их спутать с высохшими ручьями, вымощенными мелкой щебенкой. В результате я несколько раз попадал в чащу кустарников. Положение усугублялось еще тем, что со мной был довольно большой чемодан, поскольку я ехал из г. Грозного, где жили мои родители, а после Крыма я должен был ехать в Ленинград оканчивать университет.

Примерно на полдороге, когда я уже порядочно устал и проклинал советчика идти по тропинке, и не видя, где же долгожданная обсерватория, я встретил группу отдыхающих и на всякий случай спросил их об обсерватории.

Оказалось, что они как раз идут туда и предложили идти с ними. Я успокоился. Это был Константин Константинович со своим братом и его женой.

На практику съехалось несколько студентов, и все они располагались в зале библиотеки за одним большим столом, где выставлялись новые поступления.

В этой же комнате за меньшим столом, расположенным у выхода из зала на улицу, было место К.К. Чуваева. Он что-то считал на огромной логарифмической линейке – может быть метровой длины, – которую он привез с фронта из Германии и очень гордился ею. Он занимался свечением земной атмосферы. Это было далеко от моих астрономических интересов, и я не знаю, чем конкретно он занимался. У него был помощник – А.С. Дворяшин. Он, как молодой специалист, только что приехал в обсерваторию. Он был специалистом по магнитному полю Земли. И поскольку установка по измерению магнитных полей не была готова (она войдет в строй через несколько лет в п. Научном на финских домиках), то Дворяшина, чтобы он не болтался, прикрепили к К.К. Чуваеву. Они что-то обсуждали, считали, но это было далеко от моих занятий. Меня отдала Г.С. Иванову-Холодному, аспиранту директора обсерватории А.Б. Северного. Я помогал Гору Семеновичу в наблюдениях на спектрогелиографе. Поскольку в это время строгий А.Б. Северный уехал в Рим для участия в работе Астрономического съезда, то Гор Семенович много экспериментировал со спектрогелиографом, и у меня было много работы.

Дальнейшие контакты у меня с К.К. Чуваевым были на волейбольной площадке. Летом съез-

жалась молодежь, и на площадке собиралось человек 10–15, то есть хватало на две команды. Константин Константинович был активным участником этих игр.

В 1953 г. я поступил в аспирантуру Крымской астрофизической обсерватории и приехал, как говорится, на постоянное место жительства в п. Научный, где и прожил 34 года. Моим руководителем был Э.Р. Мустель, я занимался звездной спектроскопией и наблюдал на 50-дюймовом телескопе.

Практически в это же время в п. Научный переехал из Симеиза К.К. Чуваев. Ему поручили вести фотоэлектрические наблюдения яркости звезд на телескопе МТМ-500. Фотоэлектрические наблюдения в то время были передовым методом, который активно внедрял В.Б. Никонов. К.К. Чуваев был включен в эту группу.

В то время на 50-дюймовом телескопе было 4 наблюдателя, а на МТМ-500 – два. Как-то зимой случилось, что в течение полутора месяцев было на 50-дюймовом два наблюдателя – я и И.М. Копылов, а на МТМ – один К.К. Чуваев. Судьбе было угодно распределить куски ясной погоды так, что все ночи, когда должен наблюдать И.М. Копылов, были абсолютно пасмурные, а все мои ночи были либо полностью ясными, либо частично, т. е. “изводные”.

Я сам по себе бросил бы эти “изводные” ночи и не ходил на башню, но был К.К. Чуваев, который следил за небом и звал меня на наблюдения. Потом затягивало, и мы шли играть в шахматы, затем опять на башню. Это на 50-дюймовом телескопе было тяжеловато: нужно вручную открывать купол, наводить телескоп и т. д. Но тем не менее, я в это время получил основную часть наблюдений для кандидатской диссертации, и это благодаря настойчивости К.К. Чуваева.

В это время случился еще один эпизод, связывающий меня и К.К. Чуваева.

Меня попытались взять в армию на три месяца на переподготовку. Я был аспирантом и по закону меня не могли брать на переподготовку. Попытки обсерваторского начальства соблюсти закон не имели успеха, и мне пришлось предписание явиться в Симферополь на сборный пункт. Делать нечего, я собрал пожитки и поехал в Симферополь вместе с К.К. Чуваевым, который, будучи в то время секретарем партийной организации, решил обратиться в Обком по поводу этого безобразия. В Симферополе Константин Константинович пошел сразу в Обком, а я остался переживать в машине. Через какое-то время он вернулся и сказал, что все улажено и мне не нужно идти на сборный пункт. Мы поехали в обсерваторию. Выяснилось, что в Бахчисарайский райвоенкомат пришло распоряжение, в котором говорилось, сколько человек по различным специальностям нужно поставить на переподготовку. Оказалось, что по моей специальности нужно поставить одного человека. В Бахчисарайском районе их было двое – я и еще колхозный механизатор. Начальники механизатора подняли шум, что если этого механизатора заберут, то у них пропадет посевная. Что касается аспиранта – что с него взять, можно и на сборы отправить. Но Обком партии их поправил.

Следующим мероприятием, где мы с К.К. Чуваевым участвовали совместно, – это наблюдение солнечного затмения. Полоса полного солнечного затмения проходила через центр Украины и руководители обсерватории выбрали для наблюдений район Новомосковска. В обсерватории было создано много групп для разнообразных наблюдений. Среди участников наблюдений были ведущие ученые обсерватории: Г.А. Шайн, Э.Р. Мустель, А.Б. Северный, В.Б. Никонов, Н.А. Козырев и другие. Место для наблюдения было выбрано очень удачно – на берегу широкой протоки Днепра и недалеко от дороги Москва – Симферополь. Почтенная часть экспедиции жила в полуразрушенной церкви, а остальные – в 20-местной палатке. Днем в ней было очень жарко.

Поскольку я в то время был начинающим аспирантом и не солнечником, то я не участвовал в подготовке наблюдений затмения, мне объявили, что я направлен в помощь к К.К. Чуваеву, чему я был рад, – посмотреть солнечное затмение.

Мы прибыли почти за 2 недели до затмения и установили свои инструменты. Константин Константинович что-то зачем-то делал, а я был на подхвате. Если я правильно помню, он собирался наблюдать поляризацию солнечной короны. Наши функции при наблюдениях были распределены так: Константин Константинович маневрировал с телескопом, наводя его куда надо, а я должен был сидеть в фанерном ящике в темноте и переключать регистрирующие устройства, что меня, естественно, расстраивало – приехать на затмение и не видеть его.

Наступил день затмения. Из Обсерватории приехала большая группа сотрудников, не

участвующих в наблюдении, но желающих его посмотреть ради любопытства. Все мы нацелились на Солнце и вдруг откуда-то появилось небольшое облачко и закрыло Солнце. В этих условиях было бессмысленно наблюдать поляризацию короны, и мы просто стояли и смотрели на затмение. Облачко не испортило житейский вид затмения, но не позволило проводить некоторые научные наблюдения. В результате этого я увидел затмение.

Тут произошел забавный случай. П.П. Добронравин, который приехал непосредственно перед затмением, увидел облачко и решил поехать на машине вдоль шоссе, чтобы избавиться от облачка. Конечно, в тот нервный момент никто не думал, как идет шоссе по отношению к полосе полного затмения. Они резво поехали, а мы стали у своих инструментов. Но в какой-то момент у едущих возникла мысль, что они могут выскочить из полосы затмения, и они остановились, и наблюдали затмение через то же облачко, но более короткое время.

К сожалению, области наших научных интересов практически не пересекались. Только однажды мы проводили продолжительные дискуссии. Я занимался спектроскопией нестационарных звезд, а Константин Константинович занимался фотометрией, а потом и спектроскопией галактик. Но одно время у нас было пересечение – Константин Константинович наблюдал кривые блеска карликовых новых.

Было обнаружено, что некоторые вспышки имеют длительность в два раза больше, чем большинство нормальных вспышек. Мы долго обсуждали, почему это так, и, как я сейчас понимаю, ничего путного предложить не смогли. Но когда К.К. Чуваев с Г.А. Мониным создавали для ЗТШ диффракционный спектрограф СПЭМ для слабых звезд и галактик, я в этом деле тоже немного участвовал.

Вообще следует отметить, что К.К. Чуваев характеризовался в своей работе особой тщательностью и упорством – как в экспериментальной работе, так и в наблюдениях и их интерпретации. Такое свойство, естественно, сдерживало поток его публикаций.

Уход из жизни Константина Константиновича был тяжелой утратой для Обсерватории. Его манера работы положительно влияла на окружающих его сотрудников.